

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 12 (1208)

Декабрь, 2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ — Душа распиленного клёна, стихи	3
АНДРЕЙ АНПИЛОВ — Марына роша. Первая часть книги «Рисунки на обоях»	7
АНДРЕЙ ВЫСОКОСОВ — Четвёртое послание к Дантесу, стихи	55
ИГОРЬ МАЛЫШЕВ — Возьми меня за руку, рассказы	60
ВАЛЕРИЙ СОСНОВСКИЙ — В заоблачной почте, стихи	82
ВАРВАРА ЗАБОРЦЕВА — Ушлые, рассказы	86
ДМИТРИЙ ЗИНОВЬЕВ — Частичка глазури, стихи	93
ИВЕТТА МЕЛИКЯН — День рождения, рассказ	97
ВЯЧЕСЛАВ ХАРЧЕНКО — Философские хроники, стихи	102
КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА — Чертова шапка, рассказ	106
ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — Magister ludens, стихи	110
РОМАН СЕНЧИН — Писатель и издатель. Из книги «Блуждание в двенадцати томах»	118

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

МАРИО БЕНЕДЕТТИ (1920 — 2009) — Из антологии «Любовь, женщины и жизнь». Перевод с испанского и вступление Сергея Крюкова	140
---	-----

ИЗ НАСЛЕДИЯ

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ — Дом Чуковского в Переделкине. Предисловие, примечания и публикация Павла Крючкова	149
--	-----

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 120-ЛЕТИЮ ДАНИИЛА ХАРМСА:

Вступительное слово Владимира Губайловского;
Александр Самойлов. Даниил Хармс в «Пионере»; **Александр Марков.**
Хармс-сад Заболоцкого и хармскор Кривулина; **Павел Соколов.**
Даниил Хармс: Поэзия нечеловеческого и анатомия абсурда;
Елена Долгопят. Две повести Хармса; **Александр Мелихов.** «Цель
всякой человеческой жизни одна: бессмертие»; **Сергей Лебедев.**
Тапиры русской литературы; **Евгений Обухов.** Понят ли Хармс?
Игорь Сухих. Детский Хармс: реабилитация; **Николай Подосокорский.**
Образ Наполеона в стихотворении Даниила Хармса «Один монах

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

стоял в пустыне...»; Иван Чернышов. Пробуждающее насилие Хармса; Денис Балин. Хронотоп абсурда у Даниила Хармса: разрушение времени и пространства; Алексей Деревянкин. «Елизавета Бам» и «Три левых часа»; Иван Родионов. Мухи и смертные грехи Даниила Хармса; Осип Могила. Настигая вестников; Илья Киселев. Случай как судьба: Даниил Хармс и поэтика невозможного; Татьяна Зверева. Из жизни марионеток: Даниил Хармс и Резо Габриадзе	170
ОЛЕГ ЕРМАКОВ — Ноябрь, Хармс, кофе	206

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ВЛАДИМИР АВЕРБУХ, МИХАИЛ ГОРЕЛИК — Заглянем в «Новые»	209
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Кирилл Ямщиков. Любопытство превыше всего (Владимир Новиков. Слов модных полный лексикон)	220
---	-----

СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	223
-----------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Андрей Василевский)	229
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 2025 ГОД	232
SUMMARY	240

**В 2026 году физические лица могут подписаться на журнал
в редакции с любого месяца по цене 360 руб. за 1 экз;
стоимость подписки на полугодие 2160 руб. (для РФ)**

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Телефон по вопросам подписки и продажи журналов: +7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: <http://nm1925.ru>

**Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно
в электронном каталоге «Почты России»:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПД122>**

В 2025 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Татьяна Зверева, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

ИЗ ЖИЗНИ МАРИОНЕТОК: ДАНИИЛ ХАРМС И РЕЗО ГАБРИАДЗЕ

«Всегда можно проверить, гений ли человек. Если гений — его легко изобразить марионеткой. Моцарт — великая марионетка, Гете, Пушкин — марионетки. А Лермонтов — нет. Гоголь — марионетка, Чехов — гениальная марионетка... А Достоевский нет. И Толстой нет. Значит, они просто великие писатели...» Автор этого высказывания — кукольник, писатель, сценарист и художник Резо Габриадзе — почему-то не упомянул в ряду гениальных марионеток Даниила Хармса, писателя очень близкого себе по духу (абсурдистский сценарий «Кин-дза-дзы» вполне мог бы создать и Хармс, если бы решил в свое время остаться в кино, да и в мини-скульптурах «Чижик-пыжик» и «Нос майора Ковалева» угадывается хармсовский почерк). Интерес Габриадзе к поэтике Хармса нашел свое выражение в иллюстрациях к книгам великого абсурдиста. Два художника, принадлежащих разным временам и разным культурам, удивительным образом сходились в одном — в ощущении мира как бесконечной игровой стихии, где человек-марионетка становится участником божественного комедии. Их жизнь — блестящий перфоманс двух невроспадов, демонстрирующих свободу творческого Дара... И еще оба они боготворили Пушкина и способствовали разработке «пушкинского мифа». Благодаря Хармсу и Габриадзе Пушкин стал одной из самых свободных марионеток в истории человеческой культуры...

Первый театр марионеток появляется в Советской России в конце 1918 года, его вдохновителем была Любовь Шапорина (впоследствии ее театральная труппа сольется с театром Евгения Деммени). В 1935 году Хармс, семейно знакомый с Шапориной по Детскому Селу, напишет пьесу для театра марионеток «Цирк Шардам» (в соответствии с «законом парных случаев» в 1936 г. Григорий Александров снимет свой «Цирк» по пьесе И. Ильфа, Е. Петрова

и В. Катаева). На сохранившемся машинописном экземпляре пьесы имеется помета Шапориной: «Пьеса сдана в окончательном виде (но без заключительной песни) 8 августа. Начали репетиции 5 августа 35 г.». Главный герой этого кукольного представления комсомолец Вертунов приходит в цирк из другой незавершенной хармсовской пьесы — «Комедии города Петра» (1927). Время в «петербургской комедии» взорвано: Петр I беседует с Николаем II, их диалог прерывает комсомолец (в авторской редакции — кАмсомолец) Вертунов, пришедший связать последнего императора. В «Цирке Шардам» Хармс продолжил тему сорвавшегося с земной оси мира: комсомолец-марионетка Вертунов вновь нарушает правила игры, изменяет ход циркового представления, оказывается поглощенным акулой и в финале воскресает перед зрителем как пророк-Иона. В Вертунове Хармсом гениально был угадан эпохальный («массовидный») человек, оказавшийся в круговороте нового Времени.

Однако подлинные истории из жизни марионеток Хармс развернет не в своей цирковой пьесе, а в своих многочисленных рассказах. Падающие, тонущие, распадающиеся герои Хармса менее всего напоминают привычных литературных персонажей. Все они приходят, чтобы отыграть свой «цирковой номер», как правило, — смертельный. Многочисленные гибели, разыгранные в рассказах, не являются смертями в привычном понимании (мир не истекает даже «клюквенным соком», поскольку время блоковского «Балаганчика» осталось далеко позади...). Хармсовские люди-марионетки с их деревянными ногами, рванными ноздрями, оторванными головами, пришитыми к щеке ушами, выросшими на носу ленточками, торчащими в глазу камешками и застрявшими в мозгу кирпичами являются вестниками Апокалипсиса — мира «после конца», где нет места страданию, боли и смерти.

В своем ощущении деперсонализации людской массы Хармс не был одинок. Даже находящийся на противоположном идейном полюсе и занимающий конформистскую по отношению к власти позицию А. Н. Толстой запишет на черновиках «Золотого ключика» следующий стихотворный фрагмент:

Сверкают ярко свечки
Пляшут человечки
Что же мне не весело
Голову повесил я
Наш хозяин прытко
Дергает за нитки.

Эпоха безжалостно превращала человека в марионетку, полностью уничтожала его свободу, опутывая его многочисленными нитями.

Если для Даниила Хармса марионетка связана с негативными аспектами, то Резо Габриадзе открывает иные возможности куклы. Не в последнюю очередь театр Габриадзе возник благодаря театру Деммени, на сцене которого когда-то был поставлен «Цирк Шардам». Хармс творил свои представления из пустоты, заполняя историческую воронку куклами-фантомами. «Все хорошее делается из воздуха», — утверждал Габриадзе, и его лишенный гравитации мир плыл не в пустоте эфира, а растворялся в стихии Божественного дыхания. Хармсовские «Случаи» лишены прошлого, ни у одного из героев нет биографии, а в самих рассказах торжествует грамматически настоящее время. Габриадзе от спектакля к спектаклю воскрешал ушедшее, напоминая о том, что «было в Начале»...

Через свой театр режиссер-кукольник заговорил о необходимости боли, которая только и делает человека живым: «В наше время марионетки особенно подкупают. Мы столько смертей видим за вечер в телевизоре... И когда в этом мире появляется немножко „пьяненькое“ существо... — это трогает, пробуждает в человеке нежность». И гибель болтающихся на нитках лошадей Алеши и Наташи в «Сталинграде» была непереносима... В системе выстроенных духовных координат жизнь муравья осмыслялась как величай-

шая ценность. Габриадзовский плач по муравью присоединялся к поэтическому откровению Окуджавы о муравьиной любви: «И тени их качались на пороге. / Безмолвный разговор они вели, / красивые и мудрые, как боги, / и грустные, как жители земли». Театр марионеток дарил миру спасительные слезы (не случайно спектакль «Сталинград» имел жанровый подзаголовок «Плач мой»).

В «Рамоне» обезличиванию хармсовского человека Габриадзе противопоставил идею очеловечивания. Рассказанная в пьесе история любви двух локомотивов (Рамоны и Эрмона) сюрреалистична, поскольку подобная история возможна только в параллельной вселенной, где рельсы сходятся. На миниатюрной цирковой арене появлялись хармсовские типажи: распиленный на две части шпехшталмейстер Бабахиус, получивший письмо от собственных ног; два клоуна, один из которых нес голову второго; исхудавший свин и пр. Но сама история марионеток была иной... Тиражируемые в «Случаях» «упадания» уступили место трагической случайности — смертельному падению с каната Рамоны на глазах влюбленного в нее Эрмона. Смерть, потеряв свои права в безумном хармсовском мире, вновь обретала их в спектакле Габриадзе, и тут же терпела свое поражение, ведь речь шла о всепобеждающей любви.

Резо Габриадзе считал, что лучший философский трактат о марионетках написан Генрихом фон Клейстом («Über das Marionettentheater»). Неизвестно, был ли знаком с этим текстом Даниил Хармс, но его чувство марионетки приближено к размышлениям Клейста о конце мира: «Это будет последняя глава в истории мира». Театр Резо Габриадзе доказывал иное — с марионетками мир не заканчивается, а только начинается... Мир Будет, если не порвутся нити, связующие человека и сотворенную им куклу.
